

**ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

**RESEARCH IN CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY:
REGIONAL PERSPECTIVES**

Научная статья | Original paper

Культурно-историческая теория психологических явлений Л.С. Выготского

И. Ивич ✉

Университет Белграда, Белград, Сербия

✉ ivanivici@mts.rs

Для цитирования: Ивич, И. (2026). Культурно-историческая теория психологических явлений Л.С. Выготского. *Культурно-историческая психология*, 22(1), 109–117. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220112>

Cultural-historical theory of psychological phenomena by L.S. Vygotsky

I. Ivic ✉

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

✉ ivanivici@mts.rs

For citation: Ivic, I. (2026). Cultural-historical theory of psychological phenomena by L.S. Vygotsky. *Cultural-Historical Psychology*, 22(1), 109–117. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220112>

Необычна судьба психологической теории Льва Семеновича Выготского. Создатель одной из самых оригинальных теоретических систем в психологии вплоть до недавнего времени оставался неизвестным широкой мировой психологической обществу. Большинство его работ до сих пор не опубликовано на его родине, и тем не менее он является одним из основоположников современной советской психологии. Самое же необычное в судьбе учения Выготского состоит в том, что оно получило общее признание и начало оказывать все возрастающее влияние лишь посмертно — примерно через срок лет после смерти автора.

И все же в этом нет ничего необычного: при внимательном чтении Выготского сегодня обнаруживается, что его идеи по-прежнему чрезвычайно со-

временны, живы и во многом еще не превзойдены. Напомним лишь, что современные исследователи видят в Выготском одного из основателей семиотики и психолингвистики: его идеи и исследования проблем значения и знаковых систем, а также их роли в организации и развитии человеческого поведения и сегодня остаются образцом для научных исследований.

И личная судьба Выготского относится к числу по-настоящему незаурядных. Живя в переломную эпоху — во время Октябрьской революции и в период расцвета социалистически ориентированной мысли до, в ходе и непосредственно после нее, — Выготский, кажется, в одно мгновение сформировал свою теорию психологических явлений и, оставив ее незавершенной, умер от туберкулеза, не дожив и до

38 лет. Он не успел — всего лишь на несколько месяцев — увидеть выход из печати своего основного труда «Мышление и речь», который ныне предлагается югославскому читателю.

Лев Семенович Выготский родился в 1896 году. Молодой Выготский вплоть до 1924 года психологией не занимался. Литературная критика, теория литературы и искусства, лингвистика — вот области, в которых его дарование проявилось наиболее рано. Однако эта ранняя интеллектуальная деятельность не осталась без влияния на последующее развитие психологических идей Выготского. Представляется, что особенно анализ шекспировского «Гамлета» (12 исписанных тетрадей в то время, когда Выготскому было всего 20 лет) привел его к психологии искусства. Сама книга «Психология искусства», завершенная в 1925 г. (и опубликованная в оригинале лишь в 1968 г.¹), стала в интеллектуальной эволюции Выготского событием, которое окончательно повернуло его к изучению психологических явлений.

Став в 1924 году молодым научным сотрудником реформированного Института психологии в Москве, Выготский начинает психологические исследования — теоретические и экспериментальные, — из которых впоследствии возникнет культурно-историческая концепция психологических явлений.

Сцена, на которую выходит Выготский в те годы, отнюдь не была обнадеживающей: как в мировой, так и в советской психологии все еще продолжался пресловутый кризис ее оснований, сопровождавший эту молодую научную дисциплину с самых первых самостоятельных шагов после отделения от философии. Казалось, что этот кризис психология унаследовала от самой философии, от которой лишь недавно отделилась. В западноевропейских странах, где психология и возникла как самостоятельная дисциплина, традиция спекулятивного анализа духа была слишком сильна, так что попытки создать эмпирическую психологию по образцу естественных наук приводили к полному разрыву и к непреодолимым проблемам. Могла ли психология стать научной дисциплиной наравне с другими — объективной и каузальной, или же ей предстояло ограничиться описательным, феноменологическим анализом субъективного опыта, анализом, цель которого — понять, а не объяснить? Возможно ли построить единую психологию или существуют две дисциплины: одна, изучающая субъективную, переживательную сторону психического, и другая — его объективные внешние проявления? Что является предметом психологии — сознание или внешнее поведение? Каковы взаимосвязи физиологических и психологических явлений (параллелизм, причинная связь, взаимная функциональная зависимость)? Существуют ли, наконец, две полностью отдельные психологии — одна, изучающая индивида и его субъективные пе-

реживания (индивидуальная психология), и другая, исследующая взаимоотношения между индивидами (социальная психология)? И, вследствие всех этих дилемм, каковы основные методы психологии — интроспективные или объективные?

Советская психология 1920–1930-х гг. — периода, в который работает и Выготский, — активно участвует в обсуждении общих дилемм, характерных для психологии того времени. Этим дилемм столь много, что возникает даже пестрое многообразие названий самой дисциплины: психология, рефлексология (индивидуальная и коллективная), реактология, психоневрология, наука о поведении (бихевиоризм), психоанализ, эмпирическая психология (анализирующая лишь субъективный опыт), экспериментальная психология и т. п. — все эти наименования призваны обозначить ту область, которой должна заниматься психология.

Однако ситуация в Советском Союзе после революции во многом была своеобразной. Прежде всего, масштабный социальный переворот, который произошел и еще продолжался, создавал благоприятный контекст для возникновения новаций и в духовной сфере. Вторым существенным фактором, обусловленным первым, стало то, что поиски новых теоретических решений в области психологии опирались на марксистскую философию, предоставлявшую несравненно более плодотворные рамки для решения упомянутых фундаментальных проблем психологии.

Два основных исторических обстоятельства — состояние психологии как науки и социально-идеологический климат в Советском Союзе того времени — образуют рамки, в которых разворачивается деятельность Выготского как психолога. Именно эти факторы определяют грандиозный проект, за осуществление которого берется молодой ученый: создание единой научной психологии, призванной заниматься специфически человеческими психологическими проблемами — высшими психическими функциями. Речь, следовательно, идет о том, чтобы не прибегать, во имя объективного научного исследования, к ложному решению в виде изучения элементарных психических функций, одинаковых у человека и животных, и не отдавать высшие формы психической жизни (мышление и речь, интенциональность и волю, высшие эмоции и т. п.) на откуп спекулятивному анализу, остающемуся вне рамок науки. Найти принципиальное решение проблемы соотношения физиологического и психологического, обнаружить связующие звенья между индивидуальной и социальной психологией — таковы некоторые из основных пунктов научной программы Выготского за те короткие десять лет его работы.

Разумеется, некоторые благоприятные объективные обстоятельства в определенной мере облегчали задачу Выготского. Социальный переворот такого

¹ Опубликовано на сербохорватском языке в качестве предисловия к белградскому (югославскому) изданию кн.: L.S. Vigotski: Psihologija umetnosti, Nolit, Beograd, 1975. На русском языке публикуется впервые с любезного согласия автора.

масштаба, каким была Октябрьская революция, способствовал осознанию исторической изменчивости поведения и психики — одного из фундаментальных открытий Выготского. Марксово антропологическое учение о человеке, как существе практики, как социальном и историческом существе, предлагало общее философское решение и для ряда дилемм, с которыми сталкивается психология, однако путь от этих общих положений к конкретно-научным психологическим решениям был далеким и сложным.

О том, что это действительно так, свидетельствуют и поиски, а порой и блуждания, при попытках применить марксизм в психологии в молодой психологической науке Советского Союза. Одним казалось, что подлинно марксистской психологией является старая эмпирическая психология (Челпанов), другим — павловская рефлексология, третьим — американский бихевиоризм (Блонский в ранних работах), четвертые видели решение в синтезе интроспективной психологии и бихевиоризма (Корнилов)². Тем не менее предшественники Выготского в советской психологии уже во многом подготовили почву. Прежде всего было достигнуто достаточно ясное понимание значения социальных факторов в детерминации психологических явлений. Блонский и Корнилов еще до Выготского порывают с господствующей натуралистической ориентацией и разрабатывают положение о том, что психология по своему существу является социальной наукой. (В столкновении с учением Павлова, строго ориентированным на естественнонаучную парадигму, такие идеи породят одну из специфических теоретических трудностей советской психологии: как согласовать материалистический тезис о том, что психическое есть лишь одно из свойств мозга как высокоорганизованной материи, с положением о социальной детерминации психического.) В работах Блонского, Корнилова и других авторов 1920-х годов это подчеркивание значения социальных факторов иногда заходит столь далеко, что начинают отрицаться универсальные законы человеческого поведения и высказывается утверждение, будто имеет смысл изучать лишь особые психологии представителей различных общественных классов.

Общая атмосфера способствовала зарождению первых идей исторической психологии. В частности, Блонский приходит к ясному пониманию того, что психические функции не являются чем-то раз и навсегда данным и неизменным.

Добавим, что и учение Павлова о высшей нервной деятельности (хотя в определенной мере и расхолившееся с социальной направленностью молодых психологов) на почве Советского Союза окончательно

подорвало идеалистические представления об обособленности психического и о его независимости от материального субстрата.

Параллельно с деятельностью Выготского разворачивалась работа и других психологов, формировавших принципы марксистской психологии. Особо следует отметить труды С.Л. Рубинштейна, в которых разрабатывалось применение в психологии марксовской категории практической (предметной) деятельности человека³.

Итак, хотя Выготский работал в благоприятной интеллектуальной атмосфере и опирался на определенные теоретические достижения своих предшественников и современников, проблемы, которые он увидел и поставил, предстали во всей своей масштабности. Какими связями объединить такие разнородные факторы, как «материальный субстрат психического», «социальность человеческой психики», «историчность», «практическая деятельность», «сознание» и т. д.? И, в особенности, как все это преобразовать в конкретно-научные психологические исследования и какими методами следует при этом пользоваться? Выготский обладал и рядом особых личных предпосылок для успешного решения столь сложных задач. Благодаря своему прежнему обращению к проблемам литературы и искусства он был чрезвычайно чувствителен к сложным психологическим явлениям (проблемам значения, проблемам психологии мышления и речи и их взаимосвязи, проблемам сложных человеческих чувств и т. п.). Кроме того, Выготский был выдающимся знатоком всех основных психологических направлений своего времени, особенно хорошо он знал немецкую психологию, занимавшую тогда ведущее положение. Он, помимо прочего, написал (совместно с Геллерштейном) книгу о современных направлениях в психологии, писал рецензии и предисловия к русским изданиям работ Фрейда, Келера (Köhler), Торндайка (Thorndike), Штерна (Stern), Бюлера (Bühler), Кофки и др. Наряду с широкой общей психологической культурой Выготский обладал также глубокими знаниями в области лингвистики и философии, включая философию марксизма, которую многие советские психологи стремились применять, но которую Выготский, по признанию его коллег, знал глубже, непосредственно по оригинальным работам Маркса. И при всем этом очевидно, что Выготский обладал исключительными личными способностями — прежде всего, судя по его текстам, особым даром психологического анализа.

В таких условиях Выготский смело приступает к своему амбициозному проекту реформирования психологии как науки. Если для одних кризис пси-

² См. *Психология и марксизм* (Сборник), Ленинград, 1925 (в частности, см. работу Корнилова с одноименным названием); Смирнов А.А.: *Развитие и современное состояние психологической науки в СССР*, Педагогика, Москва 1975.

³ Уже в 1933 г. в работе С. Л. Рубинштейн: «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (переиздано в книге С.Л. Рубинштейн: *Проблемы общей психологии*, Педагогика, Москва, 1973.

Это направление в советской психологии кульминировало в теории деятельности, которую развивал А.А. Леонтьев (см. в частности его книгу: *Деятельность — сознание — личность*, Изд. полит. лит., Москва, 1975.

хологии служил поводом искать упрощенные решения (например, отрицать существование сознания, как это делали бихевиористы, или же принципиально отвергать возможность научного изучения более сложных психических явлений), то для Выготского этот кризис стал беспрецедентным вызовом для теоретического творчества. И уже в самом начале своей научной деятельности он формулирует, казалось бы, парадоксальную проблему — «сознание как проблема психологии поведения»⁴, — подчеркивая на первой же странице соответствующей статьи: «Игнорируя проблему сознания, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека». Это становится одним из лейтмотивов всего творчества Выготского: необходимо взяться именно за те психологические проблемы, которые специфичны для человека, искать теоретические объяснения именно этих высших психических функций и разрабатывать методы их объективного изучения.

Уже в этой первой работе 1925 года Выготский движется в верном направлении, хотя здесь еще много неясностей и колебаний. Последовательно разыскивая отличительные психологические характеристики человека, он ясно осознает, что наряду с личным опытом у человека существует и «исторический опыт», и «социальный опыт» («коллективная координация поведения»), и что в рамках этой координации возникает и самосознание («сознание есть своего рода социальный контакт с самим собой»). Отсюда следует «социологизация сознания в целом» (!), а также вывод о том, что «социальному моменту сознания принадлежит и временное, и фактическое первенство. Индивидуальный момент формируется как вторичный и производный, на основе социального и строго по его образцу» (с. 196). Уже здесь Выготский усматривает ключевую роль языка и речи в формировании личности человека («в речи находится источник социального поведения и сознания»). При этом ни соотношения между основными детерминантами психических явлений еще не были точно выявлены, ни сами мысли не были сформулированы с достаточной ясностью; особенно заметно отсутствие анализа психологических механизмов взаимодействия различных компонентов. Однако в принципиальном плане были открыты новые горизонты, и внутренняя логика исходных положений, а также конкретные психологические исследования будут вести Выготского к все более четким и разработанным формулировкам его теории.

Решающим фактором, удержавшим Выготского от увлечения социологизаторскими схемами (подобными тем, которые известны во французской социологической психологии или встречаются у не-

которых советских психологов), стала постоянная динамическая взаимосвязь теоретических построений и конкретно-психологических исследований, составлявших подлинную страсть ученого. Обращение к проблемам поведения животных, к вопросам нормального развития детей, к изучению развития детей с нарушениями, к психопатологическим проблемам взрослых, к проблемам психологии языка и искусства — все это служило мощным противовесом против схематизма и одновременно источником новых задач, требовавших решения.

Основные положения о проблемах сознания, сформулированные в упомянутой статье (1925 г.), Выготский развивает быстро и последовательно в последующие годы. Анализ зоопсихологических исследований других авторов, а также собственные исследования развития детей с ограниченными возможностями (слепых, глухих, глухонемых, умственно отсталых), у которых ослаблено воздействие социальных и культурных факторов (и потому, как в своеобразном естественном эксперименте, влияние этих факторов может быть прослежено особенно отчетливо), побуждают Выготского еще более энергично разрабатывать свою культурологическую позицию. В работах 1928–1929 годов, о чем свидетельствуют уже сами их названия, Выготский целиком сосредоточен на проблемах «культурного развития ребенка»⁵.

Исходя из реконструкции интеллектуальной эволюции Выготского, можно утверждать, что в течение 1929 и 1930 годов он окончательно сформировал свою культурно-историческую теорию психических явлений. В эти годы — самые плодотворные в насыщенной научной жизни Выготского — было разработано учение о роли орудий и знаков в возникновении и функционировании психических процессов, учение о высших психических функциях, которые по своему происхождению, природе и структуре отличаются от низших функций (последние Выготский называет природными, или натуральными, а высшие психические функции — культурными). В те же годы Выготский ясно осознает, что природа и структура психических функций в ходе истории не являются неизменными, и потому психология должна быть основана также как наука об исторических изменениях психики и поведения.

Существование культуры является важнейшей особенностью человека по сравнению с животными, а историческое развитие, которое также отсутствует у животных, порождает глубокие различия между людьми разных исторических эпох. И тем не менее психология долгое время — а во многом и по сей день — остается малочувствительной к этим столь значимым и решающим фактам (возможно, в силу чрезмерной сосредоточенности на эксперименталь-

⁴ Выготский, Л. С. «Сознание как проблема психологии поведения» (В сборнике Психология и марксизм, Ленинград, 1925).

⁵ Наиболее полный список трудов Выготского опубликован в: Шахлевич Т. М.: «Библиография трудов Л. С. Выготского», *Вопр. псих.*, 1974, 3, стр. 152–160.

но устанавливаемых микро-фактах). Отсюда в понятийном и терминологическом арсенале психологии присутствует множество акультурных и аисторических представлений (например, когда речь идет о естественном развитии ребенка, о соотношении организма и среды, о связях между стимулом и реакцией, о заданных от природы и неизменных психических свойствах индивидов или групп и т. п.).

Для Выготского, исходившего из иного методологического основания (о чем частично уже говорилось), изучение высших психических — культурных — функций и их изменений оказывается в центре научного исследования. Однако не в том смысле, что необходимо просто доказывать наличие изменений на протяжении истории (со времени становления современного биологического типа человека). Это представляется очевидным; при этом натуралистические психологические теории не способны объяснить саму историческую изменчивость психических свойств и, тем более, выявить психологический механизм этой изменчивости у человека. Теория Выготского, по сути, и направлена на разработку психологических механизмов, лежащих в основе исторической изменчивости высших психических функций человека. Итак, если нельзя показать, что со времени возникновения современного биологического типа человека (с объемом черепа около 1400–1600 см³) происходили прогрессивные изменения в величине и структуре человеческого мозга, но при этом одновременно (особенно за последние 20.000–30.000 лет, с тенденцией к ускорению) наблюдается явный рост интеллектуальной эффективности, а также изменения в структуре психических функций и личности в целом, то перед психологической наукой встает задача объяснить природу этих преобразований в ходе культурного развития человека.

Путем сравнительного анализа поведения высших животных (прежде всего на основе опытов Келера с шимпанзе) и сопоставительного анализа поведения представителей человеческих групп, находящихся на различных ступенях культурного развития (с использованием данных, собранных в многочисленных антропологических исследованиях, и прежде всего материалов из работ Леви-Брюля)⁶, Выготский постепенно приходит к пониманию того психологического механизма, на котором зиждется изменение поведения.

Для позиции Выготского, которая в определенном смысле носит инструменталистский характер, решающим является то, что природа психической деятельности зависит от средств, посредством которых

эта деятельность осуществляется. Выготский пишет: «Как использование орудия в целом определяет форму трудовых операций, так и природа знака, который используется, является основным моментом, от которого зависит построение процесса в целом». Отсюда следует: «...в высших структурах именно знак и способ его использования функционально определяют целое и составляют фокус всего процесса»⁷.

Таким образом, для структуры высших психических функций характерно то, что они организованы с помощью знаков, что они опосредованы знаком. Способность же к созданию и использованию знаков и знаковых систем (семиотическая, или символическая, функция — другое название этой способности) основывается на новом нейрофизиологическом принципе — «принципе сигнификации», — который присущ исключительно человеческому мозгу⁸. Тем самым естественное свойство человеческого мозга — способность создавать знаки (символы) — открывает небывалые возможности для коммуникации между индивидами посредством знаковых систем и тем самым выявляет возможность решающего влияния социальных факторов на организацию психических функций.

С помощью знаковых систем формируется то, что Маркс называл «неорганическим телом» человека. Историческая изменчивость поведения при неизменной морфологии мозга объясняется, следовательно, развитием систем знаков и систем значений, которые человек создает и которые, как мы видели, составляют существенную часть его психической организации: «... непрерывное развитие его (человеческого) поведения основывается прежде всего на совершенствовании внешних знаков, внешних методов и техник, формирующихся в определенной социальной среде под давлением технических и экономических потребностей. Под их воздействием преобразуются и все природные психологические процессы человека. Одни отмирают, другие развиваются. Но решающим, существенным и специфическим для этих процессов является то, что совершенствование происходит извне и, в конечном счете, зависит от социальной жизни группы или народа, к которым принадлежит индивид»⁹. Новый принцип психического развития, в отличие от того, который возникает в результате совершенствования нервных структур (как, например, при переходе от низших животных к высшим или в ходе антропогенеза вплоть до появления современного типа *Homo sapiens*), заключается в аморфном развитии¹⁰ — развитии вне индивида, посредством

⁶ Труд «Поведение животных и человека» (опубликован в книге: Выготский, Л.С.: *Развитие высших психических функций*, АПН, Москва, 1960), написан в 1929.—30. гг. Книга Этьюды по истории поведения (совместно с Лурия) опубликована в 1930 г.

⁷ «История развития высших психических функций» (написана в 1931—32 гг как часть большого незаконченного труда и опубликована в книге: *Развитие высших психических функций*, Москва, 1960).

⁸ Там же, стр. 111, 113.

⁹ *Этьюды по истории поведения* (1930), стр. 113—114.

¹⁰ Похожие тезисы о развитии через «амплификаторы» человеческих возможностей в более позднее время, под влиянием Выготского, развивает американский психолог Дж. Брунер, и они же присутствуют в положениях М. Маклюэн о «продлениях» человеческих способностей.

экстериоризации и объективации достижений благодаря «принципу сигнификации». Поскольку же знаковые системы и способы их использования в ходе исторического и онтогенетического развития изменяются, а знак, как мы видели, представляет собой «фокус всего процесса» (психического), все психические процессы обладают изменчивой структурой. В дальнейших теоретических разработках и экспериментальных исследованиях Выготский приходит к выводу, что сущность развивающихся изменений заключается не только в том, что под воздействием знака изменяются отдельные психические процессы (функции), но и в изменении взаимных отношений между этими функциями. Кратко говоря, развитие состоит в формировании сложных «психологических систем», то есть таких комплексов отдельных психических функций, которые взаимосвязаны между собой посредством знака¹¹. В отличие от низших (природных) функций (двигательных, сенсорных, элементарных форм памяти, первичных эмоций и т. п.), которые представляют собой простые структуры и исторически неизменны, высшие психические функции (логическая память, произвольное внимание, речь, мышление, речевое мышление, сложные чувства и т. д.) являются структурами сложными, поскольку в них включаются знак и значение, которые изменяются. Вследствие этого высшие психические функции по-разному организованы у различных человеческих групп, в разные исторические эпохи и у детей на разных стадиях развития (достаточно вспомнить, насколько различны соотношения аффекта и интеллекта или памяти и мышления). Здесь, кстати, следует отметить, что подобная позиция в принципе предоставляет человеческому развитию большую степень свободы. В отличие от натуралистических подходов, согласно которым развитие определяется неизменными и универсальными закономерностями, позиция Выготского показывает, что каждая человеческая группа, а в рамках определенной исторической эпохи — и каждый индивид, могут создавать специфическую человеческую среду, опосредованную знаками и другими вспомогательными средствами, и что возможны дивергентные линии развития¹².

Знаковые системы (среди которых языковая система является наиболее значимой) представляют собой социальное образование, и их первоначальная функция носит коммуникативный характер. В отличие от традиционной психологии, которая в качестве исходной точки берет изолированного индивида, Выготский ясно показывает, что индивиды в человеческой группе связаны между собой чрезвычайно сложными системами

психологических связей¹³. Практическая коммуникация посредством действий в ходе совместной деятельности, аффективная коммуникация невербальными средствами и, прежде всего, коммуникация с помощью знаковых систем — в первую очередь вербальная коммуникация — составляют необходимое условие сохранения сообщества, развития как сообщества, так и индивида, а также психического здоровья людей, которые, будучи лишены такой коммуникации, впадают в патологические аутистические состояния.

Знаковые системы, возникшие из коммуникативных потребностей, трансформируются — и это одно из важнейших открытий Выготского — в средства организации поведения индивидов. Знак, обращенный внутрь, служит для структурирования индивидуального поведения: для самопознания, для организации собственных психических процессов, для их произвольной регуляции. Таким образом, между социальной и индивидуальной психологией не существует непреодолимого разрыва; напротив, между индивидуальным и социальным планами поведения имеет место интенсивное взаимодействие. Связывающую роль между этими двумя планами выполняют знаковые системы, при этом первостепенное значение имеют социальные факторы, поскольку индивид застает уже сформированные социальные знаковые системы, прежде всего языковую. Ребенок начинает свое «культурное развитие» именно с усвоения языковой системы, которая сначала служит ему для коммуникации с социальной средой, а в процессе развития начинает выполнять и функцию организации индивидуального поведения (в развитии опосредованной знаком логической памяти, в процессе формирования понятий, в становлении высших форм мышления — речевого мышления и др.)¹⁴.

Тем самым мы подходим к важнейшему теоретическому открытию Выготского: высшие психические функции имеют социальное происхождение. Чтобы правильно понять смысл этого положения, необходимо подчеркнуть, что оно принципиально отличается от многих культурологических и социологических тезисов о значении социальных и культурных факторов в психическом развитии. В данном случае утверждается нечто гораздо более радикальное и существенное: социальные факторы (совместная практическая деятельность, социальное взаимодействие, знаковые системы, коммуникация посредством знаков) являются конструктивным элементом высших психических функций, то есть без их действия высшие психические функции не могут возникнуть вовсе. Следовательно, то, что является наиболее специфическим в психологиче-

¹¹ См. об этом в: Vigotski, L.S. «Istorijski razvoj ponašanja», Psihologija, 1972, 1–2, str. 77–85.

¹² Это по праву подчеркивает также Дж. Брунер в предисловии к американскому изданию книги Выготского о речи и мышлении (См.: L.S. Vygotsky: «Thought and Language», The M. I. T. Press, Cambridge, 1962).

¹³ Об этом см. во вводной главе настоящей книги.

¹⁴ В то же время, это центральные темы настоящей книги Выготского.

ской организации индивида, а также то, что кажется наиболее личностным (внутренняя речь, сложные чувства, ощущение личной идентичности, способность к самопознанию и т. п.), возникает исключительно в процессе обмена внутри человеческой группы (социума).

Такое теоретическое решение было бы менее ясным, менее убедительным и менее значимым, если бы Выготский не положил его в основу масштабной научной программы — программы, допускающей эмпирическую проверку. Культурное развитие нормально развивающегося ребенка, культурное развитие ребенка с нарушениями, выявление сложной сети психологических связей в человеческом сообществе, изучение семиотических, коммуникативных и психологических функций языковой системы, исследование онтогенетического развития речи как средства коммуникации, как средства мышления и как средства самопознания и регуляции собственного поведения, изучение исторических изменений поведения (путем сравнительного исследования человеческих групп, находящихся на разных ступенях развития, или анализа продуктов человеческой деятельности), исследование искусства как системы знаков и системы значений — вот лишь некоторые тематические круги, которые в свете культурно-исторической теории психических явлений Выготского широко открылись для научного исследования. Нетрудно заметить, что ряд этих проблем стал объектом интенсивного изучения лишь в сравнительно недавнее время, а на основе некоторых из них возникли и новые научные дисциплины, которых еще не существовало в период формирования теории Выготского, — семиотика, психолингвистика, психолингвистика развития.

Подобная теоретическая ориентация и такие тематические рамки неизбежно вели к обновлению методологического арсенала психологии. В своей основе теория Выготского выдвигает на первый план генетические и сравнительные методы. Сравнительно-генетический метод (сопоставительное изучение развития животных различных видов, включая сравнение с развитием ребенка), генетико-экспериментальный метод (экспериментальное введение определенных факторов в процесс развития нормально развивающихся детей) и в целом широкое применение генетического метода (то есть изучения развития как пути решения общих психологических проблем), историческое исследование психического развития (изучение исторических изменений психики на основе сохранившихся материалов), историко-экспериментальный метод¹⁵ (исследование изменений в психических функциях у человеческих групп, которые в чрезвычайно короткий период — в пределах одного поколения — переживают крупные исторические сдвиги, как это

имело место у некоторых групп населения в Советском Союзе в период Октябрьской революции), конструктивный анализ (анализ, не сводящийся к разложению целого на элементы, а направленный на выявление процесса постепенного формирования новой сложной целостности в ходе развития), анализ единиц, а не элементов (то есть анализ таких частей, которые содержат в себе все свойства целого, как, например, анализ значения слова как единицы, включающей свойства и речи, и мышления, и речевого мышления, — с чем читатель может познакомиться на страницах этой книги), — все это предпочтительные методологические приемы, наилучшим образом согласующиеся с теорией Выготского и в значительной степени применявшиеся самим Выготским.

Исследовательская программа, которая вырисовывалась перед Выготским в свете его теории, до сих пор далека от полной реализации. Сам Выготский — самостоятельно или совместно со своими сотрудниками — начал множество исследований, вытекающих из этой программы, и некоторые из них довел до успешного завершения. Наиболее значимыми среди них являются именно те исследования, о которых идет речь в данной книге: развитие значений, процесс формирования понятий (как экспериментальных, так и реальных, и в особенности научных понятий), возникновение и развитие речевого мышления, формирование внутренней речи (а также описание функций и структуры внутренней речи). За пределами данной книги остаются сообщения о важных исследованиях в области психопатологии (аномальное развитие, мышление при шизофрении), психологии искусства, проницательные анализы поведения животных и мышления так называемых примитивных народов (и то и другое, впрочем, на основе эмпирических материалов других исследователей), исследования высших эмоций (обширная неопубликованная монография, из которой нам известен лишь один фрагмент¹⁶), игры и детского творчества, психологии грамматики и др.

Период примерно в сорок лет, прошедший со времени смерти Выготского, является сравнительно длительным, особенно если учитывать ускоренный характер развития научного знания. Поэтому тем более удивительно, что автор из столь относительно далекого прошлого столь часто цитируется в новейшей психологической литературе — причем как один из носителей новых тенденций. Объяснение этого следует искать в оригинальности и масштабе научного подвига, осуществленного Выготским в психологии. Начав свою деятельность в период «кризиса психологии», Выготский предложил такие решения фундаментальных проблем психологической науки, которые и по сей день не были в достаточной мере использованы ни в теории, ни в практике психологи-

¹⁵ Сам Выготский инициировал одно из таких исследований в советской психологии в начале тридцатых годов. См.: Лурия А.Р.: *Об историческом развитии познавательных процессов*, Наука, Москва, 1974.

¹⁶ Л.С. Выготский: «Учение об эмоциях в свете “современной психоневрологии”», *Вопр. фил.*, 1970, 6, стр. 119–130.

ческих исследований и потому продолжают служить продуктивной теоретической рамкой для анализа современных проблем психологии.

Следует также отметить, что в современной психологии не существует эмпирических данных, которые серьезно ставили бы под сомнение основные положения культурно-исторической теории Выготского. Более того, ни один из значимых экспериментальных результатов его исследований не утратил своей научной состоятельности и в настоящее время, так что большинство этих результатов стало неотъемлемой частью учебного знания о высших психических функциях.

В советской психологии учение Выготского является одной из устойчивых составляющих системы психологической науки — как в ее теоретическом, так и в эмпирическом измерении. И все же можно сказать, что даже в советской психологии далеко не все возможности теории Выготского были использованы в полной мере. Отчасти это, возможно, объясняется сохранявшимися последствиями довоенного запрета трудов Выготского (книга «Мышление и речь» была запрещена в течение двух лет после выхода из печати и была переиздана лишь в 1956 г.¹⁷, тогда как многие его работы до сих пор не опубликованы). Наряду с некоторыми обоснованными критическими замечаниями — в частности, что Выготский чрезмерно резко разводит природные и культурные функции, что в определенной степени недооценивает значение практической деятельности (т. е. отношения с реальностью, опосредованные социальной практической деятельностью) как фактора психического развития, — в советской психологии, по-видимому, до сих пор сохраняется некоторая сдержанность и настороженность по отношению к ряду базовых понятий теории Выготского. Различия обнаруживаются и в понимании культуры, и в трактовке коммуникации¹⁸, особенно в интерпретации знака и знаковых систем, — различия между Выготским и современными советскими психологами, включая некоторых его учеников. Выготский был особенно чувствителен к явлениям человеческой коммуникации, рассматривая их как фундаментальный фактор психического развития, прежде всего в онтогенезе. Представляется, что ни он сам, ни другие советские психологи не нашли вполне удовлетворительного решения проблемы соотношения двух основных форм человеческой деятельности — практической деятельности и деятельности общения между людьми. Выготский дал блестящий анализ значения последней для возникновения и развития высших психических функций, что имеет огромное значение, даже если это, возможно, привело к затенению проблем ре-

альной практической деятельности и реальных практических отношений между людьми (которые не сводятся лишь к отношениям коммуникации).

Что касается учения Выготского о знаке, знаковых системах и значении, складывается впечатление, что советская психология после Выготского не использовала в полной мере те возможности, которые это учение открывало для разработки психологических проблем сигнификативной деятельности. (Лишь в последнее время советский психолингвист А.А. Леонтьев в ряде своих работ развивает то, что потенциально было заложено в теории знака Выготского.)

По нашему мнению, вне рамок советской психологии существуют две значимые области, которые сегодня интенсивно развиваются и в которых ценность теории Выготского подтверждается наиболее наглядно, хотя ни одну из них нельзя назвать развивающейся под его непосредственным влиянием.

Первая область представлена дисциплинами, занимающимися семиотическими проблемами: семиотикой, лингвистикой, психолингвистикой (общей и развивающей). Эти относительно новые и динамично развивающиеся науки исследуют вопросы, занимающие центральное место и в теоретической системе Выготского: природу знака, организацию знаковых систем, рассмотрение художественного произведения как системы знаков, проблемы семиотической коммуникации, психологию речи и мышления, усвоение детьми языковой системы и соотношение этого процесса с развитием мышления и т. д. При этом создается впечатление, что и в этих областях — особенно когда речь идет о психологическом анализе указанных проблем — современные исследования все еще не достигают той глубины, которую Выготский предвосхитил и частично разработал. Особым недостатком многих современных исследований является то, что отдельные компоненты сигнификативного (семиотического) поведения рассматриваются изолированно. До сих пор отсутствуют исследования, которые анализировали бы значение социальных семиотических систем в развитии и функционировании индивидуального поведения более детально, чем это делал Выготский. Именно поэтому тот набросок исследовательской программы, который Выготский предлагает в последней главе этой книги (психологическая природа значения, природа внутренней речи, грамматика внутренней и внешней речи, соотношение мысли и слова, зависимость сознания и волевой регуляции личности над собственными психическими процессами от степени усвоения социальных знаковых систем и т. д.), по-прежнему остается наиболее содержательной и привлекательной программой изучения семиотической деятельности.

¹⁷ В составе книги: Выготский, Л.С.: *Избранные психологические исследования*. АПН, Москва, 1956, с объемным предисловием А.А. Леонтьева и А.Р. Лурия. Те же авторы написали интересную работу к 80-й годовщине рождения Выготского («Из истории становления психологических взглядов Л. Выготского», *Вопр. псих.* 1976, 6, стр. 83–93.

¹⁸ Выготский постоянно употребляет термин «общение».

Вторая значимая область, в которой положения Выготского находят убедительное подтверждение, — это историческая психология, то есть формирующаяся научная дисциплина, предметом которой является именно историческая изменчивость психических функций человека. Теория Выготского, как мы видели, утверждает историческую изменчивость психики и предлагает надежный психологический механизм, выступающий посредником между историческими факторами и психикой человека. Однако сам Выготский не занимался собственно историко-психологическими исследованиями. Между тем в послевоенный период, прежде всего во Франции, происходит оформление исторической психологии как новой научной дисциплины на границе психологии и истории. Наряду с историками, такими как Л. Февр (Febvre) и М. Блок (Bloch), здесь следует отметить значи-

тельный пионерский вклад психолога И. Мейерсона (Meyerson)¹⁹, разработавшего учение, во многом близкое учению Выготского, — об алломорфном развитии и об исторической изменчивости психических функций, которые трансформируются посредством экстернализации в произведениях (культурных формах). Существенную роль сыграла также группа психологов с серьезной исторической подготовкой, возглавляемая Ж.-П. Вернаном (Vernant) и Ф. Малрье (Malrieu), а также психологи в ряде других стран²⁰.

Подобные интеллектуальные течения в науке новейшего времени, находящиеся в полном согласии с культурно-исторической теорией психических явлений Выготского, служат подтверждением высокой эвристической ценности этой теории.

Иван ИВИЧ

Информация об авторе

Иван Ивич, Профессор психологии развития, Университет Белграда, Белград, Сербия, e-mail: ivanivici@mts.rs

Information about the author

Ivan Ivic, Professor of Developmental Psychology, University of Belgrade, Belgrade, Serbia, e-mail: ivanivici@mts.rs

Поступила в редакцию 02.03.2026

Поступила после рецензирования 09.03.2026

Принята к публикации 10.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2026.03.02

Revised 2026.03.09

Accepted 2026.03.10

Published 2026.03.30

¹⁹ Meyerson, I: *Les fonctions psychologiques et les oeuvres*, Vrin, Paris, 1948.

²⁰ J.P. Vernant: *Mythe et pensée chez les Grecs (Etudes de psychologie historique)*, vol. I–II, 1974; Ph. Marieu: «Vers une psychologie historique», *Pensée*, 1951; J.P. Vernant: «Sur les recherches de psychologie comparative historique», *Journ. de Psychol.*, 1960, pp. 445–451; Barbu, L.: *Problems of historical psychology*, Routledge and Kegan Paul, London, 1960.